

ЯЛТА 1945: ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ И ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

М.С. Монаков

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Россия, 119 330, Москва, Университетский пр. д. 14.

В массиве научной литературы, посвященной Ялтинской конференции лидеров трех держав антигитлеровской коалиции, фактически отсутствуют исследования, раскрывающие ее военно-морские аспекты. Между тем среди вопросов, имевших существенное значение для советской делегации, они занимали пусть и не первое, но достаточно заметное место.

В отечественной историографии внимание на этих вопросах не акцентировалось до начала 1990-х, скорее всего, потому, что для советской стороны результаты переговоров по ним оказались более чем скромными, и данное обстоятельство, с точки зрения политического руководства СССР, оказало негативное влияние на формирование послевоенного мирового порядка. А современные российские историки остаются в русле традиции, характерной чертой которой было невнимание к морской политике Советского Союза, особенно в 1921 – 1955 гг.

Из-за этого до сих пор к обеим попыткам создания большого океанского флота (1936 – 1940 и 1946 – 1955 гг.) интерес проявляют исключительно военные историки и только со стороны их оперативно-стратегического обоснования. Очевидно, однако, что проекты такого масштаба, которые требовали мобилизации всех ресурсов Советского государства и фактически ещё одной индустриализации с созданием самого современного на тот момент судостроения и ряда совершенно новых для страны отраслей и высокотехнологичных производств, не могли возникнуть на пустом месте. За этим стояли определённые политические цели, и когда война вынудила И.В. Сталина остановить работы по первой «большой судостроительной программе», это вовсе не значит, что он от них отказался. На этом и основывается гипотеза, представленная в настоящей статье, автор которой таким образом пытается привлечь внимание к проблемам политической истории России, которые до сих пор остаются неисследованными.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, война против Японии 1945 г., эскадра Черноморского флота, Черноморская проливная зона, внешняя политика СССР на Балканах.

В советской и современной российской историографии Ялтинская конференция рассматривается, главным образом, с точки зрения её влияния на формирование основ послевоенного мира. Такой подход, безусловно, оправдан. Главной целью политиков, собравшихся в Ливадийском дворце, было создание новой системы международных отношений. Вместе с тем за его стенами в обстановке строжайшей конфиденциальности решались и вопросы военно-стратегического характера. Дни нацистского рейха были уже сочтены. В отношении военных действий на Дальнем Востоке перспективы выглядели не столь определёнными.

Известно, что по расчётам командования вооружённых сил США, исходившего, прежде всего, из опыта Филиппинской операции, для вторжения на Японские острова необходимо было создать группировку численностью не менее 7 млн чел. При этом предполагалось, что высадка на Кюсю состоится не ранее ноября 1945 г., а на Хонсю – весны 1946 г. [1, с. 767].

В отношении времени, необходимого для окончательного разгрома японской армии (а она в начале 1945 г. демонстрировала не только способность упорно обороняться, но на отдельных направлениях ещё вела успешные наступательные действия), расхождения в прогнозах были чрезвычайно велики – от нескольких месяцев до нескольких лет.

Насколько далёкими от реальности были эти оценки, показали события августа 1945 г. И есть некоторые основания полагать, что столь быстрая развязка в какой-то мере нарушила политические расчёты главных участников антигитлеровской коалиции.

Так, для советского руководства это могло стать одной из наиболее веских причин для того, чтобы навсегда закрыть вопрос об участии СССР в оккупации Японских островов, и отложить реализацию некоторых важных для него политических проектов за границами Дальневосточного региона.

В пользу этой версии свидетельствуют некоторые факты из истории отечественного Военно-морского флота.

10 января 1945 г. командиры соединений и частей Черноморского флота получили приказание срочно прибыть на линейный корабль «Севастополь», где временно размещались командующий флотом и его штаб. Здесь, строго предупредив о сохранении в строжайшей тайне полученной информации, им объявили, что в ближайшее время в Крыму состоится конференция руководителей трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции и вручили копии «Плана специальных мероприятий по Главной Военно-Морской Базе Черноморского флота».

План состоял из 36 пунктов. Им устанавливалась ответственность должностных лиц за подготовку объектов, сил и средств, привлекаемых к обеспечению проведения конференции, определялись задачи соединений и частей ЧФ

по проведению протокольных мероприятий, обслуживанию делегаций и созданию условий для деятельности их рабочего аппарата.

В основном это были задачи вспомогательного или сугубо технического характера, решать которые надлежало одновременно с поддержанием благоприятного оперативного режима на театре и обороной Ялты и её окрестностей с морского направления. Однако, в обстановке, когда Севастополь и Главная база флота ещё лежали в руинах, порой даже самые простые вопросы требовали принятия решений на самом высоком уровне.

Наиболее важной задачей ЧФ являлось обеспечение пребывания в Севастополе отряда ВМС США, в состав которого входили штабной корабль Средиземноморского флота «Катоктин», военный транспорт и четыре тральщика [4, с. 85].

На «Катоктине» имелись особые каюты, с переборками, обитыми звуконепроницаемыми материалами, и средства закрытой связи, позволявшие использовать его для ведения переговоров в случае, если Ливадия подвергнется авиационным ударам противника, а также, если продолжение встречи в верхах на берегу окажется невозможным по каким-либо иным причинам.

По воспоминаниям Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова, в то время – командующего эскадрой ЧФ – именно ему надлежало принять этот корабль в Севастополе, обеспечить его стоянку, а при выходе в море – охранение.

В первые дни февраля 1945 г. эскадра, истребительная авиация флота и все средства ПВО были приведены в повышенную боевую готовность, и в этом состоянии находились до завершения конференции.

В интересах соблюдения мер безопасности встреча руководителей США и Англии проводилась с отданием всех положенных им воинских почестей, но по сокращённой процедуре. Кроме лиц высшего командного состава ЧФ в ней участвовали представители НКВД СССР, НКГБ и НКО.

По свидетельству С.Г. Горшкова, выполнив возложенную на него миссию по организации встречи Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля, он убыл на «Катоктин», находившийся в готовности к немедленному выходу в море, и оставался на борту американского корабля до завершения конференции.

В обращении с 35-летним советским адмиралом, впоследствии сыгравшим столь важную роль в «холодной войне» в Мировом океане, союзники были подчёркнуто вежливы и предупредительны. Тогда, по крайней мере, внешне ещё не было никаких признаков драматического поворота, в отношениях между державами, сыгравшими решающую роль в разгроме нацистской Германии и её союзников.

Работу И.В. Сталина во время Ялтинской конференции обеспечивали эксперты нескольких наркоматов, включая НК ВМФ. Группу воен-

■ К 70-летию Великой Победы

но-морских специалистов возглавлял Народный комиссар и Главнокомандующий Военно-морским флотом СССР адмирал флота Н.Г. Кузнецов. Кроме него в эту группу входили командующий ВВС ВМФ маршал авиации С.Ф. Жаворонков, начальник оперативного управления Главного морского штаба вице-адмирал С.Г. Кучеров и руководители ряда структурных подразделений центрального аппарата военно-морского ведомства: контр-адмирал Н. А. Бологов, капитаны 1 ранга В.А. Касатонов и М.Д. Куликов.

Состав военно-морской группы соответствовал сложности вопросов, решавшихся на высшем уровне, и определенно указывал на поворот военной стратегии Советского Союза в сторону Дальнего Востока: В.А. Касатонов и М.Д. Куликов отвечали за это направление.

Первым в Крым прилетел С.Ф. Жаворонков, который проверил состояние и организацию службы флотских аэродромов. За неделю до открытия конференции прибыл Н.Г. Кузнецов. Находясь в Севастополе, основную часть своего служебного времени он посвятил организации траления на подходов фарватерах и в местах, выделенных для стоянки кораблей союзников.

Минная опасность у побережья Крымского полуострова была ещё очень высокой, а обстановка требовала твёрдой уверенности в том, что акватории, по которым мог перемещаться «Катоктин» с лидерами антигитлеровской коалиции на борту, свободны от своих и вражеских мин.

И.В. Сталин и В.М. Молотов прибыли в Крым 2 февраля 1945 г. специальным поездом. Их встреча и переезд из Симферополя в Ялту происходили в обстановке абсолютной секретности, а дорога по которой они следовали охранялась войсками НКВД.

Информацией о ходе переговоров и достигнутых результатах в полном объёме располагали только главные участники Ялтинской конференции. Эксперты были осведомлены лишь в части, их касающейся, и в тех вопросах, которые обсуждались в комплексе с проблемами, относившимися к их ведению. Остальным оставалось только догадываться, о чем Сталин, Рузвельт и Черчилль так долго совещались, и на какие взаимные уступки им приходилось идти ради сохранения единства, оплаченного такими огромными жертвами.

Так, лишь после окончания войны стало известно, что когда Рузвельт вновь поставил вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии, Сталин выдвинул три условия: сохранение независимости Монгольской Народной Республики (её не признавало чанкайшистское правительство Китая), восстановление прав России, нарушенных нападением Японии в 1904 г., и передача СССР Курильских островов.

Эти условия фигурируют в работах большинства отечественных и зарубежных историков, но до сих пор в тени остается четвёр-

тое требование, выдвинутое И.В. Сталиным одновременно с ними.

Работая с закрытыми материалами по Ялтинской конференции, хранившимися в Архиве Президента Российской Федерации, автор пришел к выводу, что для советской стороны вопрос о пересмотре международно-правового режима Черноморских проливов был не менее важен, и Сталин приложил немалые усилия, пытаясь добиться отмены положений, которые, по его словам, давали «право маленькой Турции душить большую Россию».

Согласия по этому пункту достигнуть не удалось, однако, в тексте совместного коммюнике говорилось о том, что на совещании министров иностранных дел США, СССР и Великобритании, которую планировалось провести осенью того же года в Лондоне эти предложения рассмотрят, а «турецкое правительство будет информировано в должное время».

Таким образом, решение вопроса о невыгодном для Советского Союза режиме Черноморской проливной зоны было отложено на неопределённое время, и никаких гарантий на этот счет И.В. Сталину в Ялте получить не удалось. Тем не менее, в Москве его по-прежнему могли считать открытым, и у советского руководства ещё оставалась возможность каким-то образом увязывать его решение с обязательствами СССР по вступлению в войну с Японией.

К решительным действиям по разрешению проблемы черноморских проливов И.В. Сталина, очевидно, подталкивала обстановка, сложившаяся к началу последней военной кампании в Европе, на южном крыле советско-германского фронта. При взгляде на карту вполне могло сложиться впечатление, что Красной армии надо лишь совершить бросок к адриатическому побережью Югославии, и установление безраздельного советского влияния на Балканах станет свершившимся фактом.

Союзники к этому времени уже давно и прочно утвердились в южной и центральной Италии, и при наличии у них мощных морских десантных сил, располагали реальными возможностями для того, чтобы осуществить высадку на балканское побережье прежде, чем на него выйдут советские войска и югославские партизаны.

И.В. Сталин, конечно, был в курсе того, что ситуация на Балканах волнует, прежде всего, У. Черчилля: который долго и упорно склонял Ф.Д. Рузвельта к открытию второго фронта именно здесь. Но в данном случае совпадение позиций обоих его партнёров было вполне предсказуемым.

С ограничениями в отношении права прохода советских военных кораблей через Черноморскую проливную зону, установленными в 1936 г. в Монтрё, СССР мог мириться лишь до тех пор, пока он был относительно слаб политически и экономически, а его морская мощь по сравнению с сильнейшими мировыми державами была

ничтожна. Но в феврале 1945 г. уже не оставалось сомнений в том, что времена слабости бывшей Российской империи уходят в прошлое, и США, так же, как и Великобритания, вовсе не стремились к тому, чтобы балканский узел был разрушен. Наоборот, их интересы требовали, чтобы он был затянут ещё туже. Вместе с тем, во внешней политике И.В. Сталин, безусловно, был реалистом, и, выдвигая свои требования, он на что-то рассчитывал.

Анализ зарубежной военной историографии позволяет предположить, что им учитывалась не только заинтересованность Соединённых Штатов во вступлении СССР в войну с Японией, но и то, что в начале 1945 г. в американской политической и военной элите имелись влиятельные лица, полагавшие, что за двусмысленное поведение по отношению к союзникам Турцию надо наказывать. Дипломатические отношения с Берлином Анкара разорвала только в 1944 г., когда поражение нацистского блока стало вопросом времени, а войну Германии объявила после Ялтинской конференции, ограничившись этим символическим актом (в военных действиях турецкие вооружённые силы участия не принимали).

Переговоры в Ялте, однако, показали, что антитурецкие настроения в вашингтонском истеблишменте советский лидер сильно переоценил, и что в решении проблемы Черноморских проливов на помощь союзников надеяться не следует. С учётом сложившейся обстановки И.В. Сталин решил действовать самостоятельно, очевидно рассчитывая на то, что пока война с Японией не завершена, США препятствовать ему не будут, а Великобритания не сможет.

19 марта 1945 г. СССР денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете. В июне 1945 г. Турции были предъявлены требования вернуть Советскому Союзу две провинции, входивших до Первой мировой войны 1914–1918 гг. в состав русской Армении, и дать согласие на создание в проливной зоне советских авиационных и военно-морских баз.

К этому времени Ф.Д. Рузвельта уже не было в живых, а его преемник Г.С. Трумэн, отвечая на попытки СССР расширить сферу своего влияния в послевоенном мире, действовал даже жёстче, чем У. Черчилль. Несмотря на это, и считая, что важнее всего вступление Советского Союза в войну с Японией в согласованные сроки, некоторые американские политики и военные всё ещё высказывались за то, чтобы поддержать советские требования, однако новый президент США исходил из того, что время компромиссов с советским политическим руководством уже прошло [10].

Есть достаточные основания полагать, что для И.В. Сталина такой поворот в американской внешней политике не был чем-то неожиданным, и в Ялте он уже понимал, что переход от сотрудничества к конфронтации с главными союзниками по антигитлеровской коалиции неизбежен. И факты, характеризующие обстановку последних

месяцев Второй мировой войны, также говорят о том, что даже в том случае, если бы Ф.Д. Рузвельт оставался президентом до конца отпущенного ему срока, такой исход был предопределён.

«Несмотря на то, что какое-то время после капитуляции Германии на советско-американских отношениях ещё сохранялся розовый налёт, – пишет американский историк Р. Лав, – Вторая мировая война вернула мировой порядок к классическим временам соперничества, с той лишь разницей, что на арене остались только две великих державы – Соединённые Штаты и Советский Союз» [10, р. 279].

И не столько личные взгляды Г.С. Трумэна сколько логика этого соперничества сыграла решающую роль в том, что при определении позиции США в отношении пересмотра правового режима Черноморских проливов верх взяли те, кто выступал за то, чтобы не позволить СССР каким-либо образом установить прямой или косвенный контроль над ними.

Конечно, сторонникам этого курса помогала прямолинейная внешняя политика И.В. Сталина, попытки решить многовековые проблемы разом, путем грубого силового давления, слишком явное вмешательство во внутренние дела стран Восточной Европы, нежелание выводить советские войска из Ирана.

Факты, доступные современным исследователям, дают основания полагать, что в значительной степени эти ошибки были следствием неверных оценок в отношении продолжительности войны с Японией. К сожалению, сталинская внешняя политика не стала более гибкой и после ее стремительного завершения, когда советские дивизии на Дальнем Востоке превратились для союзников в главную помеху для решения китайской проблемы в их пользу.

И когда на конференции министров иностранных дел союзных держав в Лондоне В.М. Молотов заявил о претензиях СССР на создание военно-морской базы на Додеканезских островах и участие в оккупации Ливии, комитет начальников штабов США единодушно выступил за то, чтобы заблокировать усиление советского влияния в этом и любом другом регионе мира [10, р. 279].

Выступая с этими требованиями, политическое руководство СССР всё ещё рассчитывало на свои танковые дивизии, тогда как правящие круги США ставили на атомную бомбу и авианосцы. Отсутствие у советской стороны мощного океанского флота они и прежде рассматривали как свое решающее преимущество в борьбе за безраздельное господство (в мировой политике и экономике), а получив в свое распоряжение оружие, которое считалось абсолютным, окончательно уверовали в то, что у Москвы не осталось никаких средств, чтобы этому помешать.

Разбирая документы личного архива Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова, автор обнаружил копию «Задания на решение тактической задачи» на тему: «Артиллерийский

■ К 70-летию Великой Победы

бой крейсера «Красный Кавказ» с крейсером «Аоба» (Япония)», утверждённого командующим эскадрой Черноморского флота в первых числах апреля 1945 г.

Согласно этому документу в ходе тактической летучки с командирами соединений и кораблей отрабатывалось «нападение ЭМЭМ на конвой противника ночью в условиях противодействия кораблей охранения», а объектом этих действий являлись, кроме «пять ТРТР, КР «Аоба» и «три ЭМ типа «Касуми», «обнаруженные нашей оперативной разведкой на выходе из Босфора в Чёрное море»(?).

В связи с этим можно выдвинуть две версии. Первая: при создании группировки вооружённых сил для ведения войны с Японией советским Верховным Главнокомандованием рассматривалась возможность перевода части сил Черноморского флота на Дальний Восток. В начале 1945 г. в составе Тихоокеанского флота числилось 78 подводных лодок, 13 эскадренных миноносцев, 17 сторожевых и 34 десантных корабля и всего лишь два легких крейсера проекта 26 бис. Для вторжения на остров Хоккайдо с высадкой оперативного десанта этих сил было бы недостаточно.

Согласно планам союзников до конца 1945 г. ТОФ за счёт поставок по ленд-лизу должен был получить ещё несколько десятков сторожевых кораблей (фрегатов) и десантных кораблей специальной постройки. Поставка крупных надводных кораблей не предусматривалась.

В этой ситуации надводные силы ТОФ могли быть пополнены за счёт Северного, Балтийского и Черноморского флотов, которые после разгрома Германии могли выступить в качестве его стратегического резерва. К этому времени советское Верховное командование уже имело опыт перевода кораблей в обратном направлении – с Тихого океана на действующие флоты – по двум маршрутам: Северным морским путём и через Панамский канал. В 1945 г. теоретически могли быть использованы оба.

Вторая версия: весной 1945 г. единственным реальным противником союзных флотов являлся ВМФ Японии, и оперативный фон, придуманный С.Г. Горшковым, это – лишь проявление того, что сегодня называется политкорректностью, по сути такая же фантазия, как и мероприятия оперативной подготовки, в ходе которых в качестве условного противника выступают анонимные «террористы».

Рассмотрим первую версию, поскольку вторая в детальном разборе не нуждается. Надежного документального подтверждения существования такого замысла пока нет, но это ещё ничего не значит. Н.Г. Кузнецов, бывший в то время Наркомом ВМФ и не понаслышке знакомый со стилем работы И.В. Сталина, утверждал, что «стратегия скрывалась в голове вождя», а попытки каким-то образом туда проникнуть в большинстве случаев оказывались тщетными [1]. Исполнителям даже самого высокого уровня

приходилось самим угадывать, какое направление может стать для них главным, и какие задачи в связи с этим придется решать.

И все же, по крайней мере, на первый взгляд, эта версия представляется маловероятной. Против нее, в первую очередь, свидетельствует приказ Наркома ВМФ №0039 от 12 марта 1945 г. «О результатах инспектирования Черноморского флота», в котором без прикрас описывалась его фактическое состояние.

В нем отмечалось, что «боевая деятельность флота с октября 1944 г. сводилась к оперативным и народно-хозяйственным перевозкам, проведению отдельных специальных операций и обеспечению оперативного режима на театре», что для выполнения этих задач использовалась только часть сил флота, главным образом корабли малого водоизмещения, а основные соединения (эскадра, бригада подводных лодок, авиационные дивизии), имея «все возможности, чтобы заняться полноценной боевой подготовкой в море», этим не занимались, и с сентября 1944 г. по февраль 1945 г. на флоте не было проведено ни одного тактического и отрядного учения.

Особо подчеркивалось, что состав боевого ядра флота почти во всех соединениях не соответствует приказам, а соответствующие органы военного управления не принимают мер по поддержанию кораблей в боевой готовности, боевая подготовка на кораблях и соединениях задач не организована, большинство кораблей и частей находятся на уровне одиночной подготовки, эскадра, как маневренное соединение, не подготовлена, её взаимодействие эскадры с другими соединениями флота при бое в море не отработано, планирование боевой подготовки организовано без учета обстановки, а выходы кораблей «срываются без особых на то причин» [8, л. 310–316].

Все это, безусловно, говорит о том, что в начале 1945 г. Черноморский флот и его боевое ядро – эскадра к решению задач, которые могли возникнуть в ходе войны с Японией фактически не были готовы. Против этой версии свидетельствуют и данные об изменениях в боевом и численном составе флота в 1941–1944 гг. Суммарное водоизмещение боевых кораблей и катеров сократилось более чем на 20 тыс. т. Особенно тяжёлыми были боевые потери эскадры – крейсер, и 8 эскадренных миноносцев, в том числе 5 новых. Из-за больших потерь пришлось расформировать Отряд легких сил, бригаду крейсеров и два дивизиона эсминцев. В то же время состав так называемых «москитных сил» вырос многократно.

Сильнейшая боевая единица ЧФ, линейный корабль «Севастополь» вступил в строй в 1914 г. В 1928–1929 и 1933–1938 гг. он был модернизирован, в результате чего его полное водоизмещение увеличилось до 31275 т, а мощность главной энергетической установки – до 61000 л.с. Изменения, внесенные в конструкцию корпуса, позволили несколько улучшить его мореходные

качества и усилить защиту от боевых повреждений, хотя за это и пришлось пожертвовать скоростью полного хода – она упала с 23 до 21,5 узла.

Состав артиллерии главного и среднего калибра остался прежним (12 – 305-мм и 16 – 120-мм орудий), но дальность стрельбы 305-мм башенных установок увеличилась со 128 до 161 кабельтова, а общее число стволов зенитных установок было доведено до 36 (6 – 76,2-мм, 16 – 37-мм и 14 – 12,7-мм пулемётов)[2, с. 17-18].

Вместе с тем, надеяться на то, что этот устаревший корабль ещё скажет свое слово в морском бою, не стоило: опыт войны показал, что даже новейшие быстроходные линкоры с гигантскими орудиями и развитыми средствами защиты становятся легкой добычей авиации противника.

Крейсеры «Молотов» и «Ворошилов» считались вполне современными кораблями. При водоизмещении 9436–9760 т и мощности главной энергетической установки 110000 л. с. они имели самое мощное артиллерийское вооружение в своем подклассе (9–180-мм, 6–8 – 100-мм, 10–13 – 37-мм орудий и 6–8 – 12,7-мм пулемётов) и самую высокую скорость полного хода (35,5–36,3 узла) [2, с. 19-20].

Однако по сравнению с новейшими легкими крейсерами зарубежных флотов они имели слабое бронирование, примитивное радиолокационное вооружение и ограниченную дальность плавания. Скорострельность 180-мм орудий (5,5 выстрелов в минуту на ствол) в конце Второй мировой войны была уже недостаточной, их расположение в единой качающейся части исключало раздельное заряжание и наведение, а отсутствие стабилизированных командно-дальномерных постов и башенных установок существенно ограничивало использование артиллерии в свежую погоду.

Крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», заложенные в 1913 г. и достроенные в конце 1920-х – начале 1930-х гг., к началу 1945 г. уже устарели морально и физически износились. Артиллерийское вооружение этих двух кораблей совершенно не отвечало требованиям времени. И на деле главного калибра «Красного Кавказа», состоявшего из четырех – 180-мм орудий, для ведения успешного боя с японским тяжёлым крейсером «Аоба» было совершенно недостаточно.

Что же касается «Красного Крыма», то его вооружение, состоявшее из 15 одноорудийных 130-мм башенно-щитовых установок по калибру и количеству примерно соответствовало артиллерии шести новых эсминцев. Однако из-за конструкции и неудачного их расположения в одном залпе можно было использовать только 10.

Из девяти эскадренных миноносцев, входивших в состав эскадры, только четыре могли считаться вполне современными и по основным тактико-техническим характеристикам были сравнимы с лучшими «одноклассниками» зарубежных флотов. Но даже новейший из них «Огневой» строился по довоенному проекту 30к.

При водоизмещении 2767 т он имел главную энергетическую установку мощностью 60 000 л.с. развивал скорость полного хода 37 узлов. Его артиллерийское вооружение состояло из четырех 130-мм, двух – 76,2-мм, шести – 37-мм орудий и четырех – 12,7-мм пулемётов. Торпедное и противолодочное вооружение включало два трехтрубных 533-мм торпедных аппарата, два бомбомета и два бомбосбрасывателя. Преимущество нового эсминца перед более ранними проектами 7 и 7у заключалось лишь в лучшем расположении орудий главного калибра, однако, башенные установки Б-2ЛМ, не были универсальными и стабилизированными. «Самым слабым местом» «Огневого» была котельная установка того же неудачного типа, что и на «семерках» – с дутьем воздуха в котельное отделение. Опыт войны показал, что при нарушении герметичности котельных отсеков даже от небольших осколочных пробойников такие установки быстро выходили из строя, и такие на первый взгляд неопасные повреждения становились фатальными.

Но самыми главными препятствиями для перевода этих кораблей на Тихий океан являлись два обстоятельства, которые и сегодня имеют бы решающее значение – реальное техническое состояние кораблей и отсутствие у их командиров опыта противоборства с сильным морским противником. Первое было прямым следствием потери фактически всей довоенной системы базирования ЧФ, второе – отсутствием на театре надводных сил, сравнимых по боевому составу с советским Черноморским флотом.

О реальном уровне подготовки руководящего состава эскадры ЧФ в январе 1945 г. можно судить по другому документу, найденному в личном архиве С.Г. Горшкова. В его рабочем блокноте сохранился набросок выступления на подведении итогов одного из мероприятий оперативной подготовки.

1. Для командиров кораблей надо не решение вопросов оперативно-стратегических порядков, а познать тактику использования своих кораблей, оружие и умение взаимодействовать в бою с кораблями, авиацией, сухоп[утными] войсками. Это основа в боевой подготовке. Это главное сейчас.

2. Если корабль хорошо сдаёт огневые задачи, имеет отработанную организацию и документацию, но командир не умеет грамотно и с расчётами использовать свое оружие, то корабль остается небоеспособным.

3. Игра показала со всей ясностью слабость тактической подготовки командиров кораблей. Основное оружие ночного боя – торпеда – в загоне – неумение производить элементарные расчёты торпедной стрельбы, непонимание взаимосвязи элементов торпедного тр[угольного]ка. Нет автоматизма в использовании торпедного оружия в маневре при торпедной стрельбе.

Неумение использовать артиллерию в ночном бою – большие дистанции, отсутствие

■ К 70-летию Великой Победы

стремления осветить цель (осветит[ельными] снар[ядами]).

Использование малых кораблей для освещения цели.

Хождение непрерывно максимальными ходами, не имея резерва хода и выполнение на таких ходах сложных эволюций – не серьёзно.

Увлечение совершенно ещё не освоенной радиолокацией, сверх меры доверяя ей, больше, чем всем другим средствам обеспечения боя ночью.

Несерьёзная постановка задач авиации – требование от неё массированных ударов и ориентации в море или использование сложной системы опознавания радио и световой с ожиданием ответа.

Пренебрежение манёвром уклонения или запоздалый манёвр при атаках авиации и т.п.

Отсутствие точного расчёта при использовании оружия и манёвре.

Все это говорит о низкой тактической подготовке к[оманди]-ров.

4. Надо отбросить раз и навсегда забыть ненужный, приобретённый кое кем гонор и ложное самомнение «старого вояки». Надо сказать прямо воевать на своих кораблях с морским пр[отивни]-ком не умеете (подчёркнуто в документе – М.М.), и самым решительным образом [надо] взяться за овладение всеми видами и формами тактики использования своего оружия.

Да и не было у вас этого опыта – вот количество дней в море каждого корабля за 1944 г. (таблица).

А кто вел морской бой?..»

Не меняет дела и то, что одновременно с черноморскими кораблями на ТОФ могла быть переведена часть надводных сил Северного флота. В это время эскадра появилась и в его составе. В неё вошли линейный корабль «Архангельск», лёгкий крейсер «Мурманск» и 9 эскадренных миноносцев, предоставленные союзниками временно, взамен части итальянского флота, которая должна была отойти Советскому Союзу после войны по репарациям с побеждённой Италии. Современных боевых единиц среди них не было, однако все они находились в относительно хорошем техническом состоянии и были укомплектованы экипажами, имевшими самый богатый боевой опыт, с точки зрения задач, которые могли возникнуть в ходе войны с Японией.

Но если на этом подвести черту, без ответа останется несколько важных вопросов. Так, почему после гибели лидера и двух эскадренных миноносцев, потопленных вражеской авиацией 6 октября 1943 г., Ставка ВГК запретила командованию ЧФ применять крупные боевые корабли вдали от своих баз? Для чего И.В. Сталин их решил приберечь, не посвящая в свои планы даже руководство НК ВМФ? Для давления на Турцию достаточно было бы советских дивизий в Румынии, Болгарии и Югославии, куда по расчётам советского руководства они неизбеж-

но должны были войти после освобождения от захватчиков территории Советского Союза.

Почему С.Г. Горшков, проявивший во время войны выдающиеся военные способности, был освобождён от командования единственным действующим объединением Черноморского флота и назначен на эскадру ЧФ, уже не принимавшую участия в военных действиях? Документально подтверждаемые данные свидетельствуют о том, что боевая готовность этого соединения к концу 1945 г. значительно выросла, и, несмотря на ряд существенных недостатков, соединение уже могло решать все свойственные задачи, а главное вести морской бой с тяжёлыми кораблями противника. Понятно, что целью любого кадрового решения является улучшение состояния дел. Но почему именно эскадра Черноморского флота вновь оказалась в поле зрения Верховного Главнокомандования, и командовать ей был назначен адмирал, имевший опыт службы на Дальнем Востоке?

Конечно, нельзя исключить, что эти решения были связаны вовсе не с предстоящей войной против Японии, а с видами И.В. Сталина на Додеканезские острова и Ливию. Но, во-первых, и это всего лишь предположение, которое еще надо доказать, а, во-вторых, даже и в этом случае дальневосточную альтернативу совершенно игнорировать нельзя, особенно если выйти за хронологические рамки Второй мировой войны и более внимательно посмотреть на планы, реализовать которые России, а затем Советскому Союзу по разным причинам не удалось.

Так, известно, что на восстановление Российского императорского флота после русско-японской войны 1904–1905 гг. существенное влияние оказали идеи, исходившие от так называемых «военно-морских кружков», членами которых состояли её активные участники. Один из них Н. Беклемишев выступил с идеей создания «летучих эскадр», состоявших из тяжёлых крейсеров, которые могли действовать на всем пространстве Мирового океана, обеспечивая реальную возможность стратегического межтеатрового манёвра силами, который для России был почти неразрешимой проблемой.

Впоследствии в том или ином виде эта идея возникала неоднократно, и всякий раз это было связано с необходимостью силовой поддержки внешней политики государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Начало технической реконструкции советских вооружённых сил обычно связывается с первым пятилетним планом, и лишь немногие исследователи, занимающиеся строительством отечественного флота в период между двумя мировыми войнами, в курсе, что 5 июня 1924 г. по этому вопросу состоялось расширенное заседание Пленума Реввоенсовета СССР, и в постановлении, принятом единогласно, утверждалось, что РККФ «в будущих боях по охране Республики и по защите мировой революции придется играть крупную роль» [6, л. 83].

А в проекте «5-летнего плана усиления РРКФ», представленном 31 марта 1925 г., говорилось о том, что «Дальневосточный театр является наиболее интересным театром для морских сил открытого моря, которые... могли бы оказать давление на судьбу мировой революции своевременной помощью колониальным народам», но признавалось, что «эти заманчивые условия... еще не выполнены ввиду отсутствия слабой заселенности края, невозможности строительства на театре и отсутствия защищённых морских баз и трудности перевода больших морских сил из других морей, равно как и чрезвычайной тяжести и ценности морских сил открытого моря, которые по силе могли быть противопоставлены ближайшим соседям...» [7, л. 267–268].

В предложениях по созданию «большого морского и океанского флота СССР», представленных И.В. Сталину начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза А.И. Егоровым 16 января 1936 г., признавалось необходимым иметь на Тихоокеанском флоте сильнейшую группировку надводных сил, включающую восемь линейных кораблей, 12 «больших» и 12 «средних» крейсеров, 64 лидера и эсминца [5, л. 18–19].

Приоритетный характер задач, связанных по развитию Тихоокеанского флота, прослеживается вплоть до последнего варианта «большой» кораблестроительной программы, утверждённой в 1940 г. и рассчитанной на 7 лет.

Согласно оперативно-стратегическому обоснованию к ней на ТОФ считалось необходимым иметь 15 линейных кораблей, 13 тяжёлых и 26 лёгких крейсеров, 130 лидеров и эскадренных миноносцев.

Для сравнения группировка надводных сил ВМФ на Севере должна была включать два линкора, восемь крейсеров и 32 эскадренных миноносца, причем эти силы рассматривались не только с точки зрения решения задач на данном морском театре, но также и как резерв для усиления Тихоокеанского флота [9, л. 1–26].

Все это говорит о том, что при формировании внешней политики на Азиатско-Тихоокеанском направлении политическое руководство СССР следовало по пути, проложенному Российской империей, рассматривая Дальний Восток как один из главных пунктов соперничества с другими великими державами.

И это объясняет, почему И.В. Сталин пытался в немыслимо короткие сроки создать многочисленный океанский флот, и когда ему пытались намекнуть на завышенные параметры «большой» судостроительной программы, отвечал: «По копейке соберём, но построим». Это проливает свет и на его «неизъяснимую любовь» к океанским кораблям с огромными орудиями. Разумеется, он отдавал себе отчёт в том, насколько обременительны для государства расходы на их строительство и содержание, но как реальный политик, понимал, что в борьбе за мировое лидерство угроза силой должна быть не только реальной, но, прежде всего, глобальной и зримой.

Примечательно, что в такой же, «нелогичной» любви к тяжёлым надводным кораблям обвиняют и создателя нашего ракетно-ядерного флота Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова, и такое совпадение, очевидно нельзя считать случайным. Для него, по его собственному выражению, стоявшего у штурвала Военно-морского флота без малого три десятилетия, как и для И.В. Сталина понятия «политика», «экономика» и «флот» были неразделимы.

Не имея нормального академического образования, приобрести которое ему помешала война, из советских флотоводцев военного времени, С.Г. Горшков стал единственным, кто смог выйти за рамки оперативно-тактического мышления. Именно поэтому ему удалось создать геополитическое учение, признанное во всем мире, как одна из вершин государственной и военной мысли, основная идея которого заключается в том, что море, в котором нет больших кораблей под нашим флагом – это не наше море.

Список литературы

1. Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенко, Л.А. Неретина. М., Изд-во объедин. «Мосархив», 2000.
2. Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945. М.: Воениздат.
3. Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Под. общ. ред. С.П. Платонова. М.: Воениздат, 1958.
4. Касатонов И.В. Флот выходит в океан. СПб: Астра-Люкс, 1995.
5. РГА ВМФ. Ф. 2041с. Оп.1с. Д.117.
6. РГВА. Ф.4. Оп. 2. Д. 63.
7. РГВА. Ф.4. Оп. 2. Д. 98.
8. ЦВМА. Ф. 79. Д. 39854.
9. ЦВМА. Ф.2. Д. 39524.
10. Robert W. Love, Jr. History of the U.S. Navy 1942–1991. Harrisburg: Stackpole Books, 1992.

Об авторе

Монаков Михаил Сергеевич – д.и.н., старший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

YALTA 1945: THE BLACK SEA STRAITS AND THE WAR IN THE FAR EAST

S.M. Monakov

Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. Russia, 119330, Moscow, pr. University, 14.

Abstract: *In the scientific literature on the Yalta conference of leaders of the three powers of the coalition there are no studies that reveal its naval aspects. Meanwhile, among the issues that had significance for the Soviet delegation, they held even if not the first priority, but were quite prominent.*

In the Russian historiography attention to these matters appeared only in the early 1990s, most likely because the Soviet side in negotiations had a negative impact on the formation of the post-war world order. Contemporary Russian historians are in line with the tradition, a feature of which was a lack of attention to the maritime policy of the Soviet Union, especially in the 1921 - 1955.

It is clear, however, that projects of this scale, which required the mobilization of all resources of the Soviet state, creation of the most advanced shipbuilding and entirely new industries for the country and high-tech industries, could not arise in a vacuum. Behind this processes were certain political goals, and when the war began Stalin stopped work on the first "big shipbuilding program," though it did not mean that he refused them. This hypothesis is based and presented in this article.

Key words: the Yalta Conference, the war against Japan in 1945, a squadron of the Black Sea Fleet, the Black Sea area, torrential, Soviet foreign policy in the Balkans.

References

1. Admiral Kuznetsov: Moscow in the life and fate of naval commander: Collection of documents and materials. Moscow, "Mosarhiv", 2000.
2. Berezhnaya S.S. Ships and vessels of the Navy 1928-1945. Moscow: Military Publishing.
3. The Second World War 1939-1945. Ed. by S.P. Platonov. Moscow: Military Publishing, 1958.
4. Kasatonov I.V. Fleet out into the ocean. St. Petersburg: Aster Lux, 1995.
5. RGA Navy. F. 2041s. Op.1s. D.117.
6. RSMA. F.4. Op. 2. D. 63.
7. RSMA. F.4. Op. 2. D. 98.
8. TSVMA. 79. F. D. 39854.
9. TSVMA. F.2. AD 39524.
10. Robert W. Love, Jr. History of the U.S. Navy 1942–1991. Harrisburg: Stackpole Books, 1992.

About the author

Monakov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Senior Researcher Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces.